

— Хорошо, я понял, — с улыбкой произнёс Ци Юньхэн, обнимая Оуяна, в его голосе звучала явная нежность.

То, что Оуян был отчуждён от своей семьи, Ци Юньхэн знал прекрасно, и в прошлом это даже вызывало у него чувство солидарности. Но времена изменились, и хотя прежние чувства уже поблёкли, как правитель он не хотел, чтобы его близкий человек был слишком тесно связан с семьёй. Мысль об усыновлении Оу Цзин была частью его плана по окончательному разрыву связей Оуяна с семьёй.

Когда они прибыли в резиденцию Оуяна, их встретила наложница Цзиньчжу, которая не была полноправной хозяйкой дома. Оу Цзин отправилась смотреть лавки вместе с Су Су, и неизвестно, когда они вернутся.

— Позови их обратно, — раздражённо приказал Оуян. — Разве нельзя было осмотреть лавки в другой день, а не в первый день Нового года? И вообще, они же не ладят друг с другом, почему сегодня решили объединиться?

— Ну, это из-за того, что вы передали лавки под управление Цзин-эр, — сдержав желание закатить глаза, У Да всё же не смог удержаться от комментария. — В её возрасте она готова подобрать даже дохлую мышь, чтобы рассмотреть её. А тут вы вдруг дали ей две лавки — конечно, она бросилась туда с радостью.

— Лавки ведь ещё не открыты? Я помню, Су Су говорила, что даже не решили, что там будет продаваться, — нахмурился Оуян.

— Именно поэтому нужно было поскорее отправиться туда, чтобы всё обдумать! — У Да развёл руками и добавил:

— Так сказала Цзин-эр.

— ...Ну что ж, поторопи их вернуться, — Оуян потер виски, а затем спросил:

— Кто-то их сопровождает?

— Не волнуйтесь, мы отправили и явных, и скрытых охранников. Цзин-эр не капризная, а Су Су тоже не промах! — успокоил У Да.

— Ладно, иди за ними, а я вернусь во внутренний двор, чтобы навестить Цзиньчжу, — Оуян махнул рукой, отпустив У Да, и повёл Ци Юньхэна и его свиту во внутренний двор.

Когда Ци Юньхэн настоял на том, чтобы поехать с ним, Оуян сразу понял его намерения.

Визит к Оу Цзин был лишь предлогом, а настоящей целью было узнать, сколько наложниц он держит в своём внутреннем дворе.

Времена изменились.

Вскоре после свадьбы, когда Ци Юньхэн был отвергнут семьёй, осмеян обществом и почти ничего не имел, он не задавал вопросов о наложницах Оуяна. Теперь же, когда у Ци Юньхэна был собственный гарем, дети и вся империя в руках, он больше не хотел, чтобы Оуян имел дело с женщинами.

Оуян понимал его мысли, но не собирался спорить на эту тему.

Для него женщины делились на два типа: те, кто предназначен для продолжения рода, и те, кто используется для социальных связей. Возможно, из-за того, что он пережил смерть и возрождение, его тело казалось нормальным, но его семя не могло дать плодов. Обнаружив это, Оуян перестал добавлять женщин в свой внутренний двор, чтобы избежать лишних расходов. Что касается социальных связей, после того как он и Ци Юньхэн покинули столицу, у Оуяна больше не было необходимости играть роли, и теперь, вернувшись, он вряд ли снова будет вести разгульный образ жизни.

Поэтому Оуян не планировал иметь дело с женщинами, и обе наложницы остались за пределами дворца.

Но Ци Юньхэн всё ещё не был спокоен, и Оуян решил вывести всех наложниц на свет, чтобы он мог убедиться сам.

Первой, конечно, была Цзиньчжу.

Однако, увидев её, Ци Юньхэн слегка опешил, внимательно оглядел её с головы до ног и с сомнением посмотрел на Оуяна.

— Это твоя новая наложница?

— Ваше Величество, я — Цзиньчжу! — Цзиньчжу, лучше понимавшая мысли Ци Юньхэна, чем сам Оуян, поспешила прояснить ситуацию, чтобы избежать неприятностей для своего господина.

— Цзиньчжу? — Ци Юньхэн с трудом сдерживал улыбку. — Как ты... стала такой?

Цзиньчжу была подарена Оуяну после их свадьбы с Ци Юньхэном. В памяти он сохранил образ миловидной, стройной девушки с робким характером, которая никогда не смотрела прямо в глаза. Он даже не помнил, чтобы слышал её голос.

Но перед ним стояла женщина с прямой осанкой и уверенным видом, выросшая на голову выше, чем в его воспоминаниях, и ставшая как минимум в три раза шире. Её черты лица почти скрывались под слоем жира, а на голове красовались драгоценности, а на теле — роскошное золотое платье.

— Это не Цзиньчжу, это настоящая золотая свинья! — подумал Ци Юньхэн, невольно взглянув на Оуяна, опасаясь, что его вкусы изменились.

— Женщины меняются с возрастом, — отмахнулся Оуян, внутренне насмехаясь. Если целыми днями есть, спать, не иметь над собой госпожи или свекрови, не беспокоиться о детях и не соревноваться с другими наложницами, неудивительно, что она разжирела.

Ци Юньхэн не был действительно озабочен фигурой Цзиньчжу, но после того, как его окружали исключительно изящные женщины, вид такой «женщины-воина» был немного шокирующим.

Цзиньчжу не стала продолжать разговор, поклонилась и приняла подарок от Ци Юньхэна, но Оуян остановил её.

— Подожди, ты всё ещё управляешь кухней?

— Да, — остановилась Цзиньчжу и кивнула.

— Отбери несколько ящичков фруктов, которые прислали с юга, и собери овощи из теплиц. Я заберу их с собой, — приказал Оуян. — Еда во дворце ужасна, кроме мяса там ничего нет, даже солений не найти!

Во времена императора Синхэ еда во дворце была небогатой. А при Ци Юньхэне, из-за войн, осад и дворцовых переворотов, запасы продовольствия были почти полностью разграблены, а оставшееся нельзя было использовать, так что всё пришлось выбросить и закупить заново.

Оуян же никогда не отказывал себе в удовольствии. После того как его люди разбрелись по всей стране, каждый месяц ему присылали местные деликатесы. Кроме того, благодаря знаниям, полученным из других миров, на его фермах были построены теплицы, которые давали урожай даже зимой. В любое время года он мог позволить себе что угодно — от дичи до овощей и фруктов.

За более чем десять лет Оуян избаловал свой вкус и не мог терпеть скучную еду дворца.

— Начало всегда трудное, но это не навсегда, — с лёгким смущением ответил Ци Юньхэн.

— Это уже твоя забота, — махнул рукой Оуян, отпуская Цзиньчжу, а затем продолжил:

— Но запомни, мы делим и радость, и горе, и еду, конечно, тоже. Но это касается только нас двоих. Не вздумай использовать мои запасы для того, чтобы кого-то наградить, ублажить или подкупить. Я просто скупой... ммф...

Оуян не успел закончить, как Ци Юньхэн закрыл ему рот рукой.

— Ты совсем не изменился! — с улыбкой сказал Ци Юньхэн. — Мы же не глупцы, чтобы не понимать разницы между личным и общественным.

Оуян тут же отстранил его руку и серьёзно сказал:

— Это ты сам сказал, так что запомни!

— Слово императора нерушимо, — Ци Юньхэн взял его руку в свою. — Твоё останется твоим, никто не отнимет. Я вернул тебя, чтобы ты был рядом со мной, и только.

— Как красиво звучит! — подумал Оуян, впервые слыша такие слова от Ци Юньхэна, да и вообще от любого мужчины. Его чувства были сложными.

Радость, конечно, была, но разум подсказывал ему задуматься.

Время — это настоящий убийца. Раньше молчаливый парень, который только действовал, теперь научился говорить красивые слова!

Оуян улыбнулся, но не ответил, и не стал вырываться из объятий Ци Юньхэна, позволив ему усадить себя на диван.

Свита Ци Юньхэна, под руководством евнуха Вэя, уже удалилась из комнаты, но Ци Юньхэн всё равно понизил голос, чтобы только они двое могли слышать:

— Чунъянь, императрица и все остальные — это чужие. Даже моя мать когда-то разорвала со мной отношения, и только из-за обстоятельств снова признала меня. Я не могу говорить об этом открыто, но и забыть не смогу.

(Примечания отсутствуют)

<http://bllate.org/book/16203/1454270>